

—

Входная дверь в главную комнату была открыта, но никого не было видно. Вероятно, мать и ребёнок только что вернулись и устроились в задней комнате.

Ци Бэйнань повёл Сяо Юаньбао в дом. Глаза Сяо Юаньбао были острыми, и он сразу заметил, что дверь в заднюю комнату на южной стороне тоже распахнута.

Это была комната, где они с Ван Чао спали. Говорили, что это комната для двоих детей, но на самом деле они спали вместе только когда Сяо Ху был дома.

Обычно госпожа Цинь боялась, что Ван Чао замёрзнет, и брала его спать к себе в комнату.

Сяо Юаньбао повернулся и бросился туда. Он увидел, что Чао гер, которого он не видел несколько дней, стоит перед шкафом и перебирает вещи.

Все ящики шкафа были широко распахнуты, не задвинуты, что явно свидетельствовало о «тщательном обыске».

«Что это?»

Ван Чао, вернувшись домой, сразу побежал в эту комнату, перевернул всё вверх дном и нашёл коробочку размером с кулак и маленькую кисточку с тонкой щетиной.

Кисточку он небрежно бросил в сторону, а коробочкой заинтересовался, думая, что это какой-то ароматный порошок.

Он поспешно открыл коробочку и увидел внутри порошок.

Принюхавшись, можно было уловить лёгкий аромат с примесью запаха трав. Но порошок был крупнозернистым и, похоже, отличался от той пудры, которую его мать наносила, когда ездила в город.

Увидев вернувшегося Сяо Юаньбао, он не проявил ни капли радости от долгожданной встречи, ни малейшего смущения от того, что его поймали за рытьём в чужих вещах. Наоборот, он прямо спросил, откуда эта вещь.

«Это зубной порошок, используется для ополаскивания и чистки зубов».

Сяо Юаньбао подбежал и поспешно подобрал маленькую зубную щётку, которую Ван Чао небрежно бросил.

Он очень дорожил этой вещью. Обычно, после использования, он аккуратно убирал её в шкаф. Увидев, как небрежно с ней обошёлся Чао гер, он почувствовал сильную боль.

«Брат купил».

Ван Чао наморщил нос. Значит, он действительно купил Сяо Юаньбао что-то, пока его не было дома. Что за зубной порошок? Он не только не видел, но и не слышал о таком. Выглядело это дорого.

Он был очень недоволен тем, что у Сяо Юаньбао появилось то, чего не было у него. Увидев, как тот дорожит вещью, он разозлился ещё больше.

Он выхватил маленькую кисточку из рук Сяо Юаньбао и властно заявил: «Я беру себе».

Сяо Юаньбао привык к тому, что Ван Чао отнимает у него вещи. Тетушка Цинь каждый раз сладко говорила, что младший брат должен уступать старшему. Старший брат уже такой большой, а никогда не видел и не пользовался такими вещами. Он очень бедный.

Хоть Сяо Юаньбао и не хотел, но ему приходилось уступать. Однако на этот раз он категорически не хотел, чтобы Ван Чао забрал его зубной порошок.

Он немного боялся, но всё же попытался выпрямить грудь: «Это брат купил мне».

Ван Чао, увидев, что привыкший к покорности Сяо Юаньбао осмелился ему противиться, тут же озверел: «Тогда пусть он купит тебе ещё!»

Сяо Юаньбао от испуга отступил на шаг, но, глядя на коробочку в руках Чао гера, нежелание взяло верх над страхом.

Он снова подбежал: «Но это уже купили мне».

Ци Бэйнань поставил большие и малые пакеты и, обернувшись, не обнаружил Сяо Юаньбао. Услышав шум из южной комнаты, он поспешил туда.

Войдя, он увидел, как Ван Чао со злостью оттолкнул Сяо Юаньбао, и тот едва не упал на землю.

«Что здесь происходит!» Ци Бэйнань тут же подхватил Сяо Юаньбао.

Сяо Юаньбао, который сдерживался, чтобы не заплакать, увидев Ци Бэйнаня, вдруг почувствовал, как защипало в носу, и прикрыл глаза тыльной стороной ладони.

«Чао гер хочет зубной порошок и маленькую кисточку, которые купил брат».

Ван Чао, увидев, что Сяо Юаньбао жалуется, недовольно зафыркал. Вещь была у него в руках, отрицать было бессмысленно. Он спрятал руки за спину, не желая отдавать, и уставился на Ци Бэйнаня:

«Все вещи в доме — мои! Ты чужой, не лезь не в своё дело!»

«Маленькие предки, всего несколько дней не виделись, а вы уже слёзы льёте от радости?»

Госпожа Цинь, услышав шум, тоже пришла в южную комнату. Увидев спор между детьми, она притворилась слепой и не заметила сути конфликта.

Она сгладила углы и обратилась к Сяо Юаньбао, который стоял перед Ци Бэйнанем, очень ласково: «Ой, моё дитячко, куда ты ходил? Давно не виделись, мама так по тебе скучала!»

«Дай маме обнять тебя. Ты, наверное, похудел за это время с отцом в доме».

Сказав это, она с видом скучающей по ребёнку матери протянула руки, чтобы обнять Сяо Юаньбао.

Увидев это, Сяо Юаньбао не только не растрогался от её ласки, но и испуганно спрятался за спину Ци Бэйнаня.

Госпожа Цинь замерла: «Этот ребёнок, всего несколько дней не видел маму, а уже отдалился».

Она попыталась ещё раз уговорить Сяо Юаньбао: «Мама привезла тебе много сладостей. Иди, дай маме обнять, чтобы посмотреть».

Сяо Юаньбао шмыгнул носом и тихо сказал: «Старший брат уже купил Сяо Бао паровые булочки и тушеного гуся в городе».

«Ой, то, что купил старший брат, разве может быть таким же, как то, что купила мама?»

Ци Бэйнань, глядя на её представление, не хотел больше поддерживать видимость гармонии.

Он холодно сказал: «Госпожа Цинь, не издевайтесь над ребёнком».

Сказав это, он решительно подошёл и выхватил зубной порошок и зубную щётку из рук Ван Чао.

Держа вещи в руках, он сказал: «Это предмет для чистки рта, им уже пользовались. Госпожа Цинь, Вы хотите притвориться глухой и слепой, чтобы отобрать это для Ван Чао?»

«Хотя мы, простые люди, не придирчивы к мелочам, но вы уж слишком не разборчивы. Говорите, что всё нужно, но если бы не знали, подумали бы, что вы попрошайки».

Госпожа Цинь, увидев, что Ци Бэйнаня не обмануть, что он так прямо разрушил её попытку сгладить углы, да ещё и сказал такие ужасные слова, почувствовала сильное недовольство.

Однако, используя остатки разума, она постаралась сдержать гнев:

«Чао гер просто никогда не видел таких вещей, взял посмотреть. Ты слишком придирчив. Зачем говорить про ссоры и драки, отворачивая ребёнка от семьи? Разве так должен говорить старший брат?»

«И я давно не видела Бао гера, мне жаль ребёнка, я хочу его обнять. Почему в твоих устах это стало издевательством? Почему ты говоришь такие жёсткие слова?»

Ци Бэйнань холодно усмехнулся. Сяо Ху уже знал, что из себя представляет госпожа Цинь, поэтому он не видел смысла продолжать притворяться. Он не боялся, что Сяо Ху увидит это. Если он будет и дальше почтителен к ней, он, образованный человек, будет выглядеть несправедливо.

Он резко сказал: «Если бы вы действительно любили ребёнка, разве вы бы бросили его и уехали к родителям на Новый год? Если бросать, то бросайте обоих, если брать, то берите обоих. Кого из них вы любите, если одного бросаете, а другого берёте?»

«Сердце пристрастно, так пусть и будет пристрастно. Зачем снова притворяться такой добродетельной? Вы же проделали такой долгий путь, не устали ли? По крайней мере, сделайте свою роль убедительной. Когда будет свободное время, сходите в город и посмотрите, как выступают оперные певцы».

«Если вы будете так играть, зрители не только не дадут денег на чай, но ещё и плюнут вам в лицо».

«Ты!»

Госпожа Цинь, услышав, как с ней говорит Ци Бэйнань, вытаращила глаза.

Когда он только пришёл в дом, он ей кланялся. Всего несколько дней она отсутствовала в доме Сяо, а этот соплик уже стал таким наглым!

Госпожа Цинь, вернувшись от родителей, натерпелась злости. Не прошло и часа, как она вернулась домой, а уже выслушивала насмешки от этого мелкого ребёнка. Её грудь болела от гнева.

Она не смогла отомстить за обиды, полученные у родителей, но теперь, вернувшись к Сяо, и мужа нет дома, она что, не может отругать этого соплика?!

Если она не укажет ему его место, он, наверное, подумает, что может стать хозяином этого дома!

«Почему я вернулась к родителям, разве ты не знаешь?»

Госпожа Цинь тут же изменилась в лице, злобно крича:

«Ты, нахлебник, ещё и меня поучаешь. Твои родители умерли, и ты с бессовестным лицом пришёл жить и есть в доме Сяо. Кто здесь попрошайка? Ещё и вздумал здесь господствовать! Тьфу, не там ты ищешь!»

«Сколько времени прошло, а ты всё не собрал вещи и не убрался обратно в свой уезд Цю. Пусть люди посмотрят, какой учёный такой бесстыжий».

Сяо Юаньбао впервые видел, чтобы госпожа Цинь так яростно ругалась. Раньше она, хоть и была недоброй, но носила маску доброты. Он боялся, но не так сильно. На этот раз он был по-настоящему напуган. Он зарыдал. Хоть он и не очень понимал, о чём они спорят, но понял, что Госпожа Цинь хочет выгнать Ци Бэйняня.

Сяо Юаньбао крепко схватил Ци Бэйняня за руку и, плача, сказал: «Тетушка Цинь, не выгоняйте старшего брата. Папа, не выгоняй старшего брата».

Он плакал, повторяя эти слова, и его плач был таким горьким, что Сяо Ху, вернувшийся с улицы, тут же разозлился: «На кого ты опять срываешь злость!»

Сяо Ху вернулся домой и ещё не зашёл во двор, как услышал большой шум. Его дом всегда был уединённым, вдали от скопления людей, обычно здесь было очень тихо.

Он подумал, что кто-то пришёл безобразничать, пока взрослых нет дома, и поспешил обратно. Вернувшись, он увидел госпожу Цинь с яростным лицом, которая довела ребёнка до слёз.

Гнев, который копился в груди Сяо Ху всё это время, взорвался. Он тут же выругался. Уехала к

родителям на столько дней с узлом и вернулась. Стоило ей прийти, как она снова начала тиранию, напугав ребёнка до такого состояния. Она что, думает, он умер?!

«Дядя Сяо...»

Ци Бэйнань, увидев вернувшегося мужчину, тут же изменил выражение лица и тихо позвал.

Но не успел он ничего сказать, как Сяо Юаньбао отпустил его руку и побежал к Сяо Ху. Его личико было заплакано:

«Тетушка Цинь хочет выгнать старшего брата. Не выгоняйте старшего брата, папа, не выгоняй старшего брата».

Он плакал, повторяя эти слова, и плакал так горестно, что сердце Сяо Ху сжалось. Он тут же поднял его на руки: «Не выгоним старшего брата, не выгоним старшего брата».

Госпожа Цинь на мгновение опешила. Эти два ребёнка должны были выступить в чайхане! Она только что так неосторожно выругалась в гневе. То, что Сяо Ху наткнулся на это, было её неудачей.

Этот мелкий зародыш ещё и время выбрал, чтобы плакать, да ещё и сказал такие слова. Почему он не сказал, кто начал ссору?

Но, увидев гнев Сяо Ху, она почувствовала, что проглотила горькую кассию, и ей нечего было сказать. Она могла только проглотить свою злость.

Они с гером вернулись из дома родителей, а Сяо Ху не пришёл за ними, поэтому они вернулись униженными. Её боевой дух был подавлен.

Она подумала, что Сяо Ху, должно быть, всё ещё сердится, и ей нужно говорить ласково и уступить. Раньше она хотела поскорее выгнать Ци Бэйнаня, это было вызвано давним недовольством, и она была слишком поспешна.

Жизнь долгая. После Нового года охотник будет часто ходить в горы. Разве этот дом не будет принадлежать ей одной? Выгнать этого парня будет несложно.

Поэтому она подавила свой пыл и смягчила тон, сказав Сяо Ху: «Разве я собиралась выгнать ребёнка? Возможно, Бэйнань меня неправильно понял, и в спешке я сказала что-то резкое, и Бао гер подумал, что я хочу выгнать Бэйнаня».

Сяо Ху, увидев, что Госпожа Цинь снова стала мягкой, почувствовал, что она непостоянна. В прошлом он считал это лицо добродетельным, но теперь оно казалось ему невероятно

фальшивым.

Он больше не верил в это и очень ясно сказал: «Ты не сказала ничего резкого в спешке. Ты изначально была недовольна тем, что Бэйнань остался, и поэтому вернулась к родителям. Теперь ты вернулась и кричишь на ребёнка. Как сильно нужно ненавидеть ребёнка, у которого нет родителей. Если тебе не нравится, что он в доме, зачем нужно было возвращаться с такой далекой дороги!»

Госпожа Цинь была ошеломлена упрёком Сяо Ху. Что случилось сегодня? Кажется, её все не любят.

Поняв, что сейчас, когда Сяо Ху в гневе, спорить с ним бесполезно, она вспомнила, что в доме Ван она научилась пресмыкаться и унижаться. Мужчины на это ведутся.

Поэтому она прикрыла грудь и заплакала: «Мы с тобой супруги. Зачем ты говоришь такие леденящие душу слова? Значит, я не могу вернуться? Я вышла за тебя, и этот дом уже не мой?»

«Я бы хотел, чтобы это был твой дом, но считаешь ли ты его своим!» — холодно сказал Сяо Ху. «Ты вернулась как раз вовремя. Если бы ты не вернулась, я бы сам пошёл к тестю и тётце, чтобы поговорить с тобой один на один».

Ци Бэйнань понял, что настало время подвести итоги. Он подошёл и взял Сяо Юаньбао на руки. Сяо Юаньбао, всхлипывая, уткнулся ему в плечо.

Ци Бэйнань легонько похлопал ребёнка по спине и сознательно сказал: «Дядя Сяо, я пойду в свою комнату».

Госпожа Цинь была в недоумении, глядя на уходящих детей. Она подумала, что имел в виду Сяо Ху. Внезапно её сердце забило, и она почувствовала себя нехорошо.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282055>